

Несрочная весна

... А еще, другъ мой, произошло въ моей жизни цѣлое событіе: въ іюнѣ я ѣздилъ въ деревню, въ провинцію (къ одному изъ моихъ новыхъ знакомыхъ, котораго ты не знаешь). Я, конечно, еще помню, что когда-то подобныя поѣздки никакъ не могли считаться событіями. Полагаю, что не считаются онѣ таковыми у васъ въ Европѣ и по сію пору. Да мало-ли что было у насъ когда-то и что въ Европѣ еще есть! Двѣсти, триста верстъ у насъ не шутка. Разстоянія въ Россіи, опять превратившейся въ Московщину, опять стали огромными. Да и не часто путешествуютъ нынѣшніе московскіе людишки. Конечно, теперь у насъ всяческихъ вольностей хоть отбавляй. Но не забудь, что всѣ эти вольности, до которыхъ мы и дожить не чаяли, начались еще слишкомъ недавно.

Словомъ, случилось нѣчто необычное, много лѣтъ мною не испытанное: въ одинъ прекрасный день я взялъ извозчика и отправился на вокзалъ. Ты какъ-то мнѣ писалъ, что теперешняя Москва представляется тебѣ даже виѣшне «нестерпимой». Да, она очень противна. И ѣдучи на вокзалъ на извозчикѣ, вродѣ тѣхъ, что бывали прежде только въ самыхъ глухихъ захолустьяхъ и брали за конецъ не милліардъ, а двугривенный, я, возбужденный необычностью своего положенія, ролью путешественника, чувствовалъ это особенно живо. Какое азіатское многолюдство! Сколько

торговли уличной, съ лотковъ, на всяческихъ толкучкахъ и «пупкахъ», выражаясь тѣмъ подлымъ языкомъ, который все болѣе входитъ у насъ въ моду! Сколько погибшихъ домовъ! Какъ ухабисты мостовыя и разрослись уцѣлѣвшія деревья! На площадяхъ передъ вокзалами тоже «пупки», вѣчная купля и продажа, сбродъ самой низкой черни, барышниковъ, воровъ, уличныхъ дѣвокъ, продавцовъ всяческой съѣстной дряни. На вокзалахъ опять есть и буфеты и залы разныхъ классовъ, но все это еще и до сихъ поръ сараи, загаженные совершенно безнадежно. И народу всегда — не протолпишься: поѣзда рѣдки, получить билетъ изъ-за безпорядка и всяческихъ волокитъ дѣло очень трудное, а попасть въ вагонъ, тоже, конечно, захопунный, съ рыжими отъ ржавчины колесами, настоящій подвигъ. Многие забираются на вокзалъ наканунѣ отъѣзда, съ вечера.

Я прѣхалъ за два часа до поѣзда и чуть было не поплатился за свою смѣлость, чуть было не остался безъ билета. Однако кое-какъ (то есть, конечно, за взятку) дѣло устроилось, и я и билетъ получилъ и въ вагонъ попалъ и даже усѣлся на лавкѣ, а не на полу. И вотъ поѣздъ тронулся, и осталась Москва позади и пошли давнымъ давно невидѣнные мною поля, лѣса, деревни, гдѣ, какъ и въ Москвѣ, начались опять глубочайшія будни послѣ того разгульнаго праздника, которымъ потѣшила себя Русь за такую баснословную цѣну. И вскорѣ стали заводить глаза, заваливать головы назадъ и храпѣть съ открытымъ ртомъ почти всѣ, набившіеся въ вагонъ. Напротивъ меня сидѣлъ русый мужикъ, большой, самоувѣренный. Сперва онъ курилъ и все плевалъ на полъ, со скрипомъ растирая носкомъ сапога. Потомъ досталъ изъ кармана поддевки бутылку съ молокомъ и сталъ пить затяжными глотками, отрываясь только затѣмъ, чтобы не задохнуться. А допивъ, тоже откинулся назадъ, привалился къ стѣнѣ и тоже захрапѣлъ, и меня буквально стало сводить съ ума злово-

ніе, поплывшее отъ него. И, не выдержавъ, я бросилъ мѣсто и ушелъ стоять въ сѣни. А въ сѣняхъ оказался знакомый, котораго я не видѣлъ уже года четыре: стоитъ, качается отъ качки вагона извѣстный Б., бывший профессоръ, бывший богатый человѣкъ. Едва узналъ его: совсѣмъ старикъ и что-то вродѣ странника по святымъ мѣстамъ. Обувь, пальтишко, шляпа — нѣчто ужасное, даже хуже всего того, въ чемъ я хожу. Не брить сто лѣтъ, сѣрые волосы лежать по плечамъ, въ рукѣ дерюжный мѣшокъ, на полу у ногъ другой. «Возвращаюсь. говорить, домой, въ деревню; тамъ мнѣ дали надѣлъ при моемъ бывшемъ имѣніи, и я, знаете, живу теперь такъ же, какъ тотъ опростившійся москвичъ, къ которому вы ѣдете, то есть кормлюсь трудами рукъ своихъ; свободное время посвящаю, однако, прежнему — своему большому историческому труду, который, думаю, можетъ создать эпоху въ наукѣ...» Солнце серебрянымъ дискомъ несло уже низко за стволами, за лѣсомъ. И черезъ полчаса создатель эпохи сошелъ на своемъ глухомъ полустанкѣ — и заковылялъ, заковылялъ со своими мѣшками по зеленой березовой просѣкѣ, по холодку вечерней зари.

А я пріѣхалъ, куда мнѣ было нужно, уже совсѣмъ въ сумерки, въ одинадцатомъ часу. И такъ какъ поѣздъ опоздалъ, то мужикъ, выѣзжавшій за мной, подождать, подождать да и отправился во-свои, и я попалъ въ самое нелѣпое положеніе. Что дѣлать? Ночевать на станціи? Но станцію на ночь запирають, да если бы и не запирали, дивановъ, скамеекъ въ ней нѣтъ, — «теперь, братъ, господь нѣту!» — ночевать же на полу даже и совѣтскимъ подданнымъ не всегда пріятно. Нанять въ поселкѣ возлѣ станціи какого-нибудь другаго мужика? Но это теперь стало дѣломъ почти невозможнымъ. У дверей вокзала сидѣлъ на землѣ мужикъ, пришедшій къ ночному поѣзду на Москву, печальный и безучастный. Поговорилъ съ нимъ. Онъ только рукой махнулъ. «Кто теперь поѣдетъ! Лошадь рѣдкость, вся снасть сбита...

Стань колесъ — два миллиарда, выговорить страшно...». И спросилъ: а если пѣшкомъ? — «А вамъ далеко?» — Туда-то. — «Ну, это версть двадцать, не болѣ... Дойдете». — Да вѣдь, говорю, по лѣсу да еще пѣшкомъ? — «Что-жъ что по лѣсу... Дойдете...» Но тутъ-же разсказалъ, какъ весной два какихъ-то «человѣчкя» наняли такъ-то «мужичкя» въ ихнемъ селѣ да и пропали вмѣстѣ съ нимъ: «Ни ихъ, ни его, ни лошади, ни снасти... Такъ и неизвѣстно, кто кого растерзалъ — они его или онъ ихъ... Итъ, теперь не прежняя время!»

Разумѣется, послѣ такого разсказа у меня пропала уже всякая охота пытаться ѣхать ночью. Рѣшилъ дожидаться утра и просить ночлега въ трактирахъ возлѣ станціи, — «ихъ тутъ цѣлыхъ два», сказали мужикъ. Но оказалось невозможнымъ ночевать и въ трактирахъ, — не пустили. «Вотъ чайку, если угодно, пожалуйста, — сказали въ одномъ. — Чай мы подаваемъ...». Долго пилъ чай, то есть какую-то тошнотворную распаренную травку, въ слѣ освѣщенной горницѣ. Потомъ говорю: «Позвольте хоть на крыльцѣ досидѣть до утра». — «Да на крыльцѣ вамъ будетъ неудобно...». — «Все удобнѣе, чѣмъ на дорогѣ». — «А вы безоружный?» — «Обыщите, сдѣлайте милость!» — И вывернулъ всѣ карманы, разстегнулся. — «Ну, какъ хотите, на крыльцѣ пожалуй можно, а то и правда, въ избу васъ никуда не пустять, да ужъ и спать всѣ...». И я вышелъ и сѣлъ на крыльцѣ, и скоро огонь въ трактирѣ погасъ, — въ сосѣднемъ давно было темно, — и наступила ночь, сонъ, тишина... Ахъ, какъ долга была эта ночь! На небѣ вдаль, за чернѣющимъ лѣсомъ, закатывался замазанный лунный серпъ. Потомъ и онъ скрылся, стала на томъ мѣстѣ поблескивать зарница... Я сидѣлъ, шагаль передъ крыльцомъ по смутно бѣлѣющей дорогѣ; опять сидѣлъ, курилъ на пустой желудокъ махорку... Во второмъ часу по дорогѣ послышался переливъ колесныхъ спиць, толканье ступокъ на осяхъ — и немного погодя къ сосѣднему трактиру

кто-то подѣхалъ, остановился, сталъ стучать въ окно какимъ-то воровскимъ, условнымъ стукомъ. Изъ сѣней сперва выглянулъ, потомъ осторожно вышелъ хозяинъ, босой лѣхматый старикъ, тотъ самый, что вечеромъ отказалъ мнѣ въ ночлегѣ съ удивительно-злой грубостью, — и началось что-то таинственное: безконечное тасканье изъ сѣней чего-то вродѣ овчинъ и укладыванье ихъ въ телѣгу приѣзжаго, и все это при блескѣ зарницъ, которыя все ярче озаряли лѣсъ, избы, дорогу. Дуль уже свѣжій вѣтеръ и вдали угрожающе постукивалъ громъ. А я сидѣлъ и любовался. Помнишь ночныя грозы въ Васильевскомъ? Помнишь, какъ боялся ихъ весь нашъ домъ? Представь, я теперь лишился этого страха. И въ эту ночь на крыльцѣ трактира я только восхищался этой сухой, ничѣмъ не разрѣшившейся грозой. Подъ конецъ я однако ужасно усталъ отъ своего бдѣнія. Да и духомъ палъ: какъ идти двадцать верстъ послѣ безсонной ночи?

Но на разсвѣтѣ, когда тучки за лѣсомъ стали блѣднѣть, рѣдѣть и все вокругъ стало принимать дневной, будничной видъ, мнѣ неожиданно посчастливилось. Мимо трактира пронеслась на станцію коляска, — привезла къ поѣзду въ Москву комиссара, управляющаго бывшимъ имѣніемъ князей Д., находящимся какъ разъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ и нужно мнѣ было быть. Это мнѣ сказала проснувшаяся и выглянувшая изъ окна хозяйка трактира, и, когда кучеръ выѣхалъ со станціи обратно, я кинулся къ нему навстрѣчу, и онъ даже съ какой-то странной послѣшностью согласился подвезти меня. Человѣкъ оказался очаровательный, — дѣтски наивный гигантъ, всю дорогу говорившій о самыхъ ужасныхъ вещахъ почему-то съ радостнымъ изумленіемъ. Всю дорогу повторялъ: «Глаза бы не глядѣли! Слезы!» Межъ тѣмъ всходило солнце, и сѣдловатый, широкозадый, шальной и оглохшій отъ старости бѣлый жеребецъ быстро и легко мчалъ по лѣснымъ дорогамъ ко-

ляску, тоже старую, но чудесную, покойную, какъ лялька... Давно, другъ мой, не ѣздилъ я въ коляскахъ!

Знакомый, у котораго я прогостилъ нѣсколько дней въ этихъ лѣсахъ, человѣкъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ очень любопытный, — самоучка, полуобразованный, всегда жилъ раньше въ Москвѣ, но въ прошломъ году бросилъ ее и вернулся на родину, въ свое наследственное крестьянское имѣнье. Онъ страстно ненавидитъ новую Москву и не разъ настаивалъ, чтобы я пріѣхалъ къ нему отдохнуть отъ этой Москвы, расписывалъ красоты своихъ мѣстъ. И точно, мѣста удивительныя. Представь себѣ: зажиточный поселокъ, мирный, благообразный, вообще такой, какъ будто никогда не было не только всего того, что было, но даже отмѣны крѣпостного права, нашествія французовъ; а кругомъ — заповѣдныя лѣса, глушь и тишина неопикуемая. Преобладаетъ боръ, мрачный, гулкій. И по вечерамъ въ его глубинѣ мнѣ чувствовалась не то что старина, древность, а прямо вѣчность. Зари только влочья: только кое-гдѣ краснѣтъ изъ-за вершинъ медленно угасающій закатъ. Бальзамическое тепло нагрѣтой за день хвои мѣшается съ острой свѣжестью болотистыхъ низинъ, узкой и глубокой рѣки, потаенныя извивы которой вечеромъ холодно дымятся. Птиць не слышно, — мертвое безмолвіе, только играютъ козодой: одинъ и тотъ же безконечный звукъ, подобный звуку веретена. А какъ совсѣмъ стемнѣетъ и выступаютъ надъ боромъ звѣзды, всюду начинаютъ орать хриплыми, блаженно-мучительными голосами филины, и въ голосахъ этихъ есть что-то недосозданное, довременное, гдѣ любовный зовъ, жуткое предвкушеніе соитія звучитъ и хохотомъ и рыданіемъ, ужасомъ какой-то бездны, гибели. И вотъ, по вечерамъ я бродилъ въ бору подъ вожжибу козодоевъ, по ночамъ слушалъ, сидя на крылечкѣ, филиновъ, а дни посвящалъ зачарованному міру бывшей княжеской усадьбы, — истинно бывшей, потому что изъ

ся владѣтели не осталось въ живыхъ ни единого... Она несказанно прекрасна.

Дни стояли солнечные, жаркіе. И по пути въ усадьбу я шель то въ тѣни, то по солнцу, по пещаной дорогѣ, среди душно и сладко благоухающей хвои, потомъ вдоль рѣки, по прибрежнымъ зарослямъ, выпугивая зимородковъ и глядя то на открытые затоны, сплошь покрытые бѣлыми кувшинками и усѣянныя стрекозами, то на тѣнистыя стремнины, гдѣ вода была прозрачна, какъ слеза, хотя и казалась черной, и мелькали серебромъ мелкія рыбки, пучили глаза какія-то темно-зеленыя тупыя морды... А затѣмъ я переходилъ старинный каменный мостъ и подымался къ усадьбѣ.

Она осталась, по счастливой случайности, нетронутой, неразграбленной и въ ней есть все, что обыкновенно бывало въ подобныхъ усадьбахъ. Есть церковь, построенная знаменитымъ итальянцемъ, есть нѣсколько чудесныхъ прудовъ; есть озеро называемое Лебединымъ, а на озерѣ островъ съ навильономъ, гдѣ не однажды бывали пиры въ честь Екатерины, посѣщавшей усадьбу; дальше-же стоятъ мрачныя ущелья елей и сосенъ, такихъ огромныхъ, что шапка ломится при взглядѣ на ихъ верхушки, отягощенные гнѣздами коршуновъ, цапель и еще какихъ-то большихъ черныхъ птицъ съ траурнымъ вѣеромъ на головкахъ. Домъ, или, вѣрнѣе, дворецъ строенъ тѣмъ-же итальянцемъ, который строилъ и церковь. И вотъ я входилъ въ огромныя каменные ворота, на которыхъ лежатъ два презрительно-дремотныхъ льва и уже густо растутъ что-то дикое, настоящая трава забвенія, и чаще всего направлялся прямо во дворецъ, въ вестибюль котораго весь день сидѣлъ въ старинномъ атласномъ «реслѣ», съ короткой винтовкой на колѣняхъ, однорукій китаецъ, такъ какъ дворецъ есть, видите-ли, теперь музей, «народное достояніе» и долженъ быть подъ стражей. Ни единая не китайская душа, конечно, ни за что бы не выдержала этого идиотскаго сидѣнья въ совершенно

пустомъ домѣ, — въ немъ, въ этомъ сидѣннѣ, было даже что-то жуткое. Но однорукій, коротконогій болванъ съ желто-деревяннѣмъ ликомъ сидѣлъ спокойно, курилъ махорку, равнодушно ныль порою что-то бабѣ, жалостное и равнодушно смотрѣлъ, какъ я проходилъ мимо.

— Вы его, баринъ, не бойтесь, — сказалъ мнѣ про него кучеръ тѣмъ тономъ, какимъ говорятъ о собакахъ, — я ему скажу про васъ, онъ васъ не тронетъ.

И точно, вѣтаецъ меня не трогалъ. Если-бы ему приказали заколотъ меня, онъ, разумѣется, заколотъ бы, не моргнувъ бровью. Но такъ какъ колотъ меня было не надо, то онъ только сонно косился на меня, и я могъ свободно проводить цѣлыя часы въ покояхъ дворца какъ дома. И я безъ конца бродилъ по нимъ, безъ конца смотрѣлъ, думалъ свои думы... Потолки блистали золоченой вязью, золочеными гербами, латинскими изрѣченіями. (Если бы ты зналъ, какъ мой взглядъ отвыкъ не только отъ прекрасныхъ вещей, но даже просто отъ чистоты!) Въ лаковыхъ полахъ отсвѣчивала драгоценная мебель. Въ одномъ покоѣ висѣла кровать изъ какого-то темнаго дерева, подъ балдахиномъ изъ краснаго атласа, и стоялъ венеціанскій сундукъ, открывавшійся съ таинственной сладкогласной музыкой. Въ другомъ весь простѣнокъ занимали часы съ колоколами, въ третьемъ — средневѣковый органъ. И всюду глядѣли на меня бюсты, статуи и портреты, портреты. Боже, какой красоты на нихъ женщины! Какіе красавцы въ мундирахъ, въ камзолахъ, въ парикахъ, въ брилліантахъ, съ яркими лазоревыми глазами! И ярче и величавѣй всѣхъ Екатерина. Съ какой благостной веселостью красуется, царитъ она въ этомъ роскошномъ кругу! А въ одномъ кабинетѣ лежитъ на небольшомъ письменномъ столѣ и странно поражаетъ взглядъ коричневое бревно съ золотой пластинкой, на которой выгравировано, что это — частица флагманскаго корабля «Св. Евстафій», погибшаго въ битвѣ при Чесмѣ «во славу и честь Державы Россій-

скія»... Да, «во славу и честь Державы Россійскія»... Странно это теперь звучить, не правда ли?

Часто бываю я и въ нижнихъ залахъ. Ты знаешь мою страсть къ книгамъ, а тамъ, въ этихъ сводчатыхъ залахъ, книгохранилище. Тамъ прохладно и вѣчная тѣнь, окна съ желѣзными толстыми рѣшетками, а сквозь рѣшетки видна родостная зелень кустовъ, радостный солнечный день, все такой же, такой-же, какъ и сто, двѣсти лѣтъ тому назадъ. Тамъ устроены въ стѣнахъ ниши съ полками, и на этихъ полкахъ мерцаютъ тусклымъ золотомъ десятки тысячъ корешковъ, чуть ли не все главнѣйшее достояніе русской и европейской мысли за два послѣдніе вѣка. Въ одной залѣ огромный телескопъ, въ другой гигантскій планетарій, а на стѣнахъ снова портреты, рѣдчайшія гравюры. Развернулъ я какъ-то одинъ изъ прелестнѣйшихъ томиковъ начала прошлаго столѣтія, прочиталъ на шершавой бумагѣ строки:

Успокой мятежный духъ
И въ страстяхъ не сгорай,
Не тревожь меня, пастухъ,
Во свирѣль не играй, —

и долго стоялъ очарованный: какой ритмъ и какаѣ прелесть, грація, танцующій переливъ чувствъ, заключенныхъ въ немъ! Теперь, когда отъ славы и чести Державы Россійской остались только «пунки», пишутъ иначе: «Солнце, какъ лужа кобыльею мочи...». А въ другой разъ мнѣ попалось подъ руку первое изданіе Баратынскаго, и я, словно нарочно, развернулъ книжку на стихахъ:

Что-жъ, пусть минувшее исчезло сномъ летучимъ!
Еще прекрасенъ ты, заглохшій Элизей,
И обаяніемъ могучимъ
Исполненъ для души моея...

А передъ отъездомъ былъ я въ знаменитой церкви. Она въ лѣсу, на обрывѣ, круглая, палеваго цвѣта и сіяетъ въ синемъ небѣ золотой маковкой. Внутри ея кругъ желтоватыхъ мраморныхъ колоннъ, поддерживающихъ легкой куполь, полный солнца. Въ кругломъ проходѣ между колоннами и стѣнами — изображенія святыхъ со стилизованными ликами тѣхъ, кто похороненъ въ фамильномъ склепѣ подъ церковью. А въ узкія окна видно, какъ вѣтеръ ворочаетъ косматыя главы сосенъ, величаво и дико раскинутыя изъ обрыва въ уровень съ окнами, и слышно пѣніе, гудъ вѣтра. Я спустился въ непроглядную темноту склепа, озаряя краснымъ огонькомъ воскового огарка громадные мраморные гробы, громадные желѣзные свѣтильники и шершавое золото мозаикъ по сводамъ. Холодомъ преисподней вѣяло отъ этихъ гробовъ. Неужели и впрямь они здѣсь, тѣ красавцы съ лазоревыми очами, что царствуютъ въ покояхъ дворца? Нѣтъ, мысль моя не мирилась съ этимъ... А потомъ я опять поднялся въ церковь и долго глядѣлъ въ узкія окна на буйное и дремотное волненіе сосенъ. Сзади меня какъ-то весело и горестно радовался солнцемъ забытый, навсегда, быть можетъ, опустѣвшій храмъ. Мертвая тишина царила въ немъ. За стѣнами же пѣлъ, гудѣлъ лѣтній вѣтеръ, — все тотъ-же, тотъ-же, что и двѣсти, сто лѣтъ тому назадъ. И я былъ одинъ, совершенно одинъ не только въ этомъ свѣтломъ и мертвомъ храмѣ, но какъ будто и во всемъ мірѣ. Кто могъ быть со мною, съ однимъ изъ уцѣлѣвшихъ истинно чудомъ среди цѣлаго сонма погибшихъ, среди такого великаго крушенія, равнаго которому не знаетъ человѣческая исторія!

И это было мое послѣднее посѣщеніе усадьбы. На другой день я уѣхалъ...

А теперь, какъ видишь, я опять въ Москвѣ. И прошло уже больше мѣсяца, какъ я вернулся, но сильное и, главное, какое-то невыразимо странное впечатлѣніе,

привезенное мною, не оставляет меня. И я думаю, что и не оставить. Вѣдь то, что такъ живо и остро почувствоваль и поняль я во время этой поѣздки, зрѣло во мнѣ уже давнымъ давно. И не предвидится да и не можетъ быть впереди ничего, что могло бы разбѣять мое теперешнее состояніе: они, эти люди такъ называемой новой жизни, правы — къ прежнему, къ прошлому возврата нѣтъ, и новое царить уже крѣпко, входитъ уже въ колею, въ будни. Состояніе же мое заключается въ томъ, что я непрестанно чувствую, какъ тлѣть, рвется, самая послѣдняя связь между мною и окружающимъ меня міромъ, какъ все больше и больше отрѣшаюсь я отъ него и уйду въ тотъ, съ которымъ связанъ былъ я не только весь свой вѣкъ, съ дѣтства, съ младенчества, съ рожденія, но даже и до рожденія: уйду въ Элизей моихъ воспоминаній и видѣній, въ нѣкій сонъ, блистающій подобіемъ той яркой и разительно живой жизни, въ которой застыли мертвецы съ лазурными глазами въ пустомъ дворцѣ въ подмосковныхъ лѣсахъ.

Видишь-ли, случилось, разумѣется, чудо: нѣкто, уже тлѣвшій въ смрадной могильной ямѣ, не погибъ однако до конца, подобно тысячѣ прочихъ, сваленныхъ съ нимъ въ эту яму. Онъ, къ великому своему изумленію, сталь постепенно приходитъ въ себя и наконецъ совсѣмъ пришелъ и даже получилъ возможность приподняться и опять выбраться на бѣлый свѣтъ. Теперь онъ опять въ средѣ живыхъ, опять приобретаетъ знакомую привычку быть какъ всѣ, — какъ будто какъ всѣ, — опять видитъ городъ, небо, солнце, опять заботится о пищѣ, объ одеждѣ, о кровѣ и даже о житейскомъ занятіи, положеніи. Но, другъ мой, проходитъ-ли даромъ человѣку смерть, хотя бы и временная? А главное, какъ переменнася, какъ сказочно переѣнился даже самый бѣлый свѣтъ за то время, которое мы, чудомъ уцѣлѣвшіе, пребывали въ могилѣ! Такого крушенія, такой переѣны лица земли за какія-нибудь пять лѣтъ въ исторіи, повторю, не

бывало. Представь себѣ почти мгновенную гибель всего античнаго міра — и нѣсколько человѣкъ, погребенныхъ подъ развалинами, подъ лавинами варварскихъ ордъ, и затѣмъ внезапно очнувшихся черезъ два, три столѣтія: что должны они чувствовать? Боже, какое, прежде всего, одиночество, какое несказанное одиночество! И вотъ уже давно стало расти во мнѣ нѣкое навожденіе. Чѣмъ больше привыкала я къ тому, что мое возстаніе изъ мертвыхъ есть явь, сущая правда, тѣмъ болѣе овлаждало мною чувство страшной перемены, происшедшей на свѣтѣ, — я, конечно, не о внѣшнемъ говорю, хотя и во внѣшнемъ мы дошли до неслыханной и уже во вѣки непоправимой мерзости,—и началъ я оглядываться кругомъ все пристальнѣе, вспоминать свою домогильную жизнь все явственнѣе... И росло, росло навожденіе: ибѣть, прежній міръ, къ которому былъ причастенъ я нѣкогда, не есть для меня міръ мертвыхъ, онъ для меня воскресаетъ все болѣе, становится единственной и все болѣе радостной, уже никому недоступной обителью моей души!

Да, уѣзжая изъ Москвы, проѣзжая по ней, я почувствовалъ то, что чувствовалъ уже давно, съ особенной остротой: ахъ, до чего я человѣкъ иного времени и вѣка, до чего я чуждъ всѣмъ ея «пупкамъ» и все той новой твари, которая летаетъ по ней въ автомобиляхъ! Затѣмъ вспомни вокзалъ, съ котораго я уѣзжалъ, вагонъ, въ которомъ я добылъ себѣ мѣсто, моего сосѣда, пившаго молока изъ горлышка бутылки... Вспомни профессора съ его мѣшками, его научными мечтаніями и ту просьбу, по которой одиноко — о, какъ страшно одиноко! — заковылялъ онъ... Какъ поразили меня тѣ минуты, когда поѣздъ стоялъ на полустаянкѣ, гдѣ онъ слѣзъ, эти первыя, почти жуткія впечатлѣнія полсвой тишины, лѣсной глуши, запаха березъ, цвѣтовъ, вечерней свѣжести! Боже мой, Боже мой, опять, — послѣ тысячи лѣтъ самой страшной въ мірѣ каторги! — опять это святое, чистое

безмолвіе, закатывающееся за лѣсомъ солнце, даль, пролетъ въ просѣлкѣ, горькіе и свѣжіе ароматы, сладкій холодокъ зари... И чувство моей отчужденности отъ того міра, который отнять у меня все, все, чѣмъ я дышала и жила, отчужденность отъ этого «совѣтскаго» вагона, на площадкѣ котораго я стояла, и отъ русаго мужика, который спалъ въ немъ, вдругъ приобрѣло во мнѣ такую глубину и силу, что на глаза мои навернулись слезы счастья. Да, я чудомъ уцѣлѣла, не погибъ, какъ тысячи прочихъ, убитыхъ, замученныхъ, пропавшихъ безъ вѣсти, застрѣлившихся, повѣсившихся, я опять живу и даже вотъ путешествую. Но что можетъ быть у меня общаго съ этой новой жизнью, опустошившей для меня всю вселенную! Я живу, — и порою, какъ вотъ сейчасъ, даже въ какой-то восторженной радости, — но съ кѣмъ и гдѣ?

И та ночь, что провести я на крыльцѣ трактира, тоже была для меня только моимъ воскреснымъ прошлымъ. Развѣ я воспринимала ее какъ ночь въ юнѣ тысяча девятьсотъ двадцать третьяго года? Нѣтъ, эта ночь была какъ будто одной изъ прежнихъ незабвенныхъ ночей. Прежнія были и зарницы, и громъ, и свѣжій вѣтеръ, съ которымъ приближалась эта ночная гроза... А потомъ эти заповѣдныя лѣса, заповѣдная усадьба... Они и совсѣмъ увели меня въ міръ мертвыхъ, уже навсегда и блаженно утвердившихся въ своей неземной обители. И теперь неотступно стоитъ передо мною это солнечное царство лѣтнихъ дней, бора и сказочно-спящаго дворца, затерявшагося въ бору, этихъ воротъ со львами и бурьяномъ наверху, мрачныхъ еловыхъ ущелій, обмелѣвшихъ прудовъ со стайками трясогузокъ на ихъ травянистыхъ берегахъ, озера, заросшаго осокой, навсегда опустѣвшей церкви и пустыхъ блистательныхъ залъ, полныхъ образами покойниковъ... Не могу тебѣ передать изумительнаго чувства, все еще не покидающаго меня: до чего они ужаснее живы для меня!

Помнишь-ли ты тѣ стихи Баратынскаго, изъ которыхъ я привелъ тебѣ нѣсколько стронъ и которые такъ совпали съ тѣмъ самымъ важнымъ для всей моей теперешней жизни, что таится въ самомъ сокровенномъ тайникѣ моей души? Помнишь, какъ кончается эта элегія, посвященная предчувствію того Элизея, который прозрѣвалъ Баратынскій подъ тяжестью своихъ утратъ и горестей? Среди заустѣнія родныхъ мѣстъ, среди среди развалинъ и могилъ, я чувствую, говорить онъ, незримое присутствіе нѣкоего Призрака; и онъ, «сія Летійская тѣнь, сей Призракъ»,

Онъ убѣдительно пророчитъ мнѣ страну,
Гдѣ я наслѣдую *несрочную весну*,
Гдѣ разрушенія слѣдовъ я не примѣчу,
Гдѣ, въ сладостной тѣни невянущихъ дубовъ,
У нескудѣющихъ⁶⁶ ручьевъ,
Я тѣнь священную мнѣ встрѣчу...

Заустѣніе, окружающее насъ, неопишимо, развалинамъ и могиламъ нѣтъ конца и счета: что осталось намъ, кромѣ «Летійскихъ Тѣней» и той «несрочной весны», которой такъ «убѣдительно» призываютъ онъ насъ?

Ив. Бунинъ